
Трансформация межкультурного взаимодействия в поле политического дискурса

Клецкова И. М.

*Белорусский государственный университет,
факультет философии и социальных наук,
кафедра философии культуры, старший преподаватель*

Кузьмич И. Н.

*Белорусский государственный университет,
факультет философии и социальных наук, студент*

В поле современной политики стратегия и тактика осуществления межкультурного диалога занимают одну из ключевых позиций, поскольку вполне очевидным для статуса современной культуры является вариативность культурных практик и осознание факта полиэтничности и поликонфессиональности тех культурных пространств, которые прежде воспринимались как зоны самоочевидного доминирования сложившихся на протяжении длительного периода устойчивых смысловых конфигураций. Так, для большинства европейских стран приоритетом, неоспоримой ценностью являлись ценности самой европейской культуры, основанные на идеях, провозглашенных еще во времена Просвещения. При этом стратегии, осуществляемые культурной политикой европейских стран, основывались на принципах мультикультурализма, признающих равноценность и правовую защищенность всех этнических и конфессиональных групп, представленных в поле культур этих стран. Однако в недавних выступлениях ведущих европейских политиков было констатировано, что политика мультикультурализма должна быть признана несостоявшейся, приведшей к разрушению механизмов трансляции традиционных либеральных ценностей европейской культуры. Это, в конечном итоге, привело не просто к кризису европейской идентичности, а к таким печальным последствиям, как конфессиональное и этническое противостояние, рост националистических настроений.

В связи с этим возникает закономерный вопрос о состоятельности и значимости модели равноправного и равноценного межкультурного

диалога, основанного на важнейшем принципе субъект-субъектных отношений между всеми агентами, находящимися в поле вариативных дискурсивных практик. Собственно, целью нашего исследования является стремление установить те смысловые контуры, которые способствовали бы выявлению рациональных аргументов в пользу конструктивного диалога в условиях уже сформировавшейся критики мультикультурализма.

Как известно, особое звучание проблеме субъект-субъектного взаимодействия придали экзистенциально-феноменологическая традиция, ключевыми в которой признаны идеи М. М. Бахтина, наиболее востребованные с точки зрения прояснения важнейших аспектов диалогического взаимодействия. Обратим внимание только на некоторые положения его философии диалога, которые, на наш взгляд, могут вызвать наибольший интерес в контексте обсуждаемой проблемы.

Во-первых, это вопрос о добровольности диалогического взаимодействия. По Бахтину, невозможно говорить о внешних причинах, которые бы побуждали субъекта к диалогу (отсюда и его определение этики как внешней по отношению к субъекту инстанции, притом, что свою философию он определяет как «первую нравственную философию») [1, с. 81]. Философ говорит о «нудительности» диалога, т. е. о его сущностной смысловой необходимости для субъекта, которая проистекает из его свободного выбора (в пользу диалога), налагающего на человека должествование по отношению к диалогическому взаимодействию, причем источник должествования – сам субъект, а не внешняя по отношению к нему инстанция.

Второй момент, который видится нам значимым в контексте анализируемой проблемы, – это мысль о том, что диалог понимается Бахтиным не как формально-коммуникативный акт обмена информацией. Речь идет об имманентности диалога, которая проистекает из онтологически заданных условий, когда он просто есть (а не мыслится) и свершается через данного человека – в его уникальном месте в бытии – и через других – столь же единственных, ценностно значимых, разнозначных и равноценных участников диалога. Т. е. на самом деле речь идет о другом (других) по отношению ко мне, но столь же ценностно-ответственных по отношению к бытию. Диалог возможен за счет различения меня и другого и понимается как созвучие, полифония. Бахтин не говорит об обобщенном другом; человек соотносится с конкретным другим, в его уникальности, проявляющейся в только ему присущем принятии ценностно окрашенного мира через поступок-поступление. В предлагаемой Бахтиным архитектонике диалогического взаимодействия («я-для-другого», «другой-для-меня»,

«я-для-себя») [1, с. 86]. «Я-для-себя» имеет принципиальное значение, поскольку именно в «я» происходит своеобразное замыкание на себе диалога. Т. е. «я» в результате диалогического взаимодействия, которое приводит к смыслопорождению (нахождению смыслового поля, равноценного и равнозначного для всех участников диалога), конструирует смысловое пространство как ценностно непротиворечивое прежде всего для себя (и так делает каждый участник диалога).

Собственно, эти характеристики диалогического взаимодействия, о которых пишет Бахтин, относятся, прежде всего, к экзистенциальному субъекту/субъектам, которые приняли на себя ответственность за свершение диалога. Вопрос, который мы ставим перед собой, – о том, насколько возможна такого рода стратегия осуществления диалогического взаимодействия в политическом поле и с точки зрения принятия политического решения о возможности и необходимости межкультурного диалога, и с точки зрения реализации этого решения на уровне повседневных социальных практик.

Самой главной характеристикой, отличающей ситуацию осуществления диалога в политике от уже описанной нами, является наличие императивности в политическом диалоге. При наличии устойчивой вертикали власти сила императива будет задаваться политической элитой, на всех остальных уровнях она будет воспроизводиться с тем или иным успехом и рвением, т. е. природа политического диалога и взаимодействия находится в регистре императива.

В политическом поле мы можем встретить – при формальном множестве политических субъектов – два типа субъектов, способных к диалогу: власть (существующая в политическом поле), которая легитимизирует ею же производимые практики, и субъекты, не имеющие прямых референций и практик, сходных с практиками и референциями власти, и, как следствие, не имеющие возможности представлять свои интересы. Следовательно, в поле политического дискурса отношения возникают по поводу интересов властных и не имеющих формальной власти субъектов. Хотя, конечно, современные либерально-демократические модели властных отношений, как минимум, декларируют защиту интересов меньшинства. Естественно, что любой субъект, желающий символизировать себя в поле политики посредством дискурсивных практик и получивший такую возможность, начнет лоббировать свои интересы, осуществляя интервенции в поле политики. Поэтому можно говорить о том, что ситуация «нудительности», долженствования в политическом поле

изначально задается через символические системы легитимизированных дискурсивных практик.

Интересно, что в ситуации состоявшейся критики мультикультурализма субъекты, представляющие элиты политической власти, фактически признают отсутствие важнейшего условия, определяющего конструктивность диалога – единой конфигурации ценностей, задающих предпосылки той социальной онтологии, которая делает возможным и необходимым осуществление диалога. Собственно, осознание того факта, что система ценностей европейской культуры не столь очевидна для всех социальных субъектов, вовлеченных в межкультурный диалог, есть уже признание конфликта, разрушающего структуру Бахтинского диалога. Право оспаривать этот факт в публичных речевых и социальных практиках, дающее возможность символизировать себя в политическом поле, расценивается существующей властью поля как прямая интервенция и посягательство на ресурс власти.

Самым простым способом избавить себя от посягательства на ресурс, которое происходит при помощи механизма под названием «диалог», – это признать такой «диалог» нелегитимным. Ведь субъект, наделенный властью, имеет эксклюзивное право на легитимизацию дискурсивных практик. Или, что наблюдается в изучаемой ситуации, появляется искушение оценить взаимодействие как не-диалогическое, поскольку нарушается ситуация равноправия – равнозначности и равноценности участников диалога. При этом в качестве стороны, ущемленной в своих правах, описывается, по сути, субъект, изначальной миссией которого является легитимизация дискурсивных практик – политическая элита.

Поле политического диалога обладает сходными характеристиками с понятием «габитуса» [2, с. 192]. Основной общей характеристикой является способность габитуса и диалога «защищаться». Каждое из этих феноменов противится изменениям, таким образом сохраняя свою структуру. Следовательно, политический диалог принципиально отрицает возможность трансформации, так как нарушение устоявшегося набора норм, принципов и правил ведения диалога в политическом поле влечет переструктурирование пространства изучаемого поля. Одним из самых сильных механизмов защиты является монополия на дискурсивные практики. И те страны, где существуют демократические принципы на ведение диалога в политическое поле, сильно рискуют, постоянно подвергая структуру поля атакам со стороны медийного пространства.

По сути, вопрос о переструктурировании поля в данной ситуации может решаться, как минимум, в двух аспектах: либо через признание

необходимости трансформации смысловой конфигурации ценностей европейской цивилизации (что, на наш взгляд, является проблематичным), либо посредством введения дополнительных аргументов долженствования в пользу необходимости межкультурного диалога. Таковой, например, может явиться апелляция к тезису о «благе народов», «этническом мире» и т. д. Тогда «нудительность» диалога будет задаваться двумя параметрами: принятой на себя ответственностью за благо народов (всеми сторонами) и ответственностью за факт свершения диалога как принципиальной возможности события (ответственность со стороны власти).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984. – М., 1986.
2. Бурдьё Пьер Начала / Пьер Бурдьё. – М.: Изд-во «Socio-Logos», 1994.